

Ахмет СУЛЕЙМАНОВ

Л.Г.Бараг и башкирская фольклористика

В истории фольклористики Башкортостана глубокий след оставили многие представители демократической части русской интеллигенции. Такими были И.Лепехин, П.Кудряшов, Т.Беляев, В.Даль, Р.Игнатьев, В.Юматов, Ф.Нефедов, А.Бессонов, Л.Лебединский, М.Салтыков. Несомненно, одним из крупных продолжателей их благородного дела во второй половине XX века был профессор Л.Г.Бараг.

В 70-е годы, когда Институт истории, языка и литературы БФ АН приступил к составлению многотомного свода «Башкирского народного творчества», Лев Григорьевич написал научные комментарии ко всем пяти книгам сказок, составленным М.Х.Мингажетдиновым, А.И.Харисовым (1—2-я кн.), Н.Т.Зариповым (3-я кн.) и автором этой статьи (4—5-я кн.).

В отличие от аналогичных сводов, выпускаемых в других регионах бывшего СССР, это издание, благодаря содержательности и оригинальности научных комментариев, заслужило высокую оценку. В этой области у Л.Г.Барага давно была выработана своя методика, своя система. Откройте любой том свода, на башкирском или русском языках, и вы легко убедитесь в этом. При подготовке комментариев для томов сказок Лев Григорьевич требовал от составителей написания названия каждого текста и на башкирском, и на русском языках, выходных данных и сведений о сказочниках. В томах, издаваемых на башкирском языке, давался краткий пересказ содержания текста на русском языке.

После пересказа содержания сказки, а в изданиях на русском языке сразу же после паспорттики и выходных данных, составители томов определяли по Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне-Томпсона типы сюжетов и мотивов, раскрывали характер контаминации и особенности основного сюжета. Написанное подвергалось тщательной проверке и корректировке главного комментатора. Далее определялось, какие из сюжетов и мотивов, составляющих ту или иную сказку, учтены в других указателях и изданиях, после чего Лев Григорьевич приступал к изложению истории каждого сюжета и мотива. Приведу один из многочисленных примеров. Речь идет о новеллистической сказке.

Сын Сафи и Гафи. Записано в 1968 г. в дер.Арта-Шигирово Красноуфимского р-на Свердловской обл. Ануром Вахитовым от Хидиатуллы Абдулхаева,

«Ватандаш» журналына — 20 йыл

1902 г. рожд. // — НА, ф.3., оп.32, д.1, 20—26; Башкирское народное творчество: Сказки, кн.4, №61. Далее: БНТ.

АТ 882А («Спор о верности жены» + отчасти 881* («Изгнанная жена в роли врача»).

Варианты типа 882А: след. тексты №68 и 69; НА, ф.3, оп.32, д.17, д.209—217, оп.47, д.4, л.107—118; ФФ БГУ, ед. хр. 72, л.116—117; ед. хр. 145, л.36—40, 148—153, 164—165; ед. хр. 94, л.172—173; вариант типа 881* — БНТ: Сказки, кн.4, №67, неполный.

В указателе Аарне-Томпсона учтены многочисленные варианты типа 882А, записанные на европейских языках, а из восточных — арабские, турецкие, индийские; варианты типа 881* учтены испанские и японские. Дополнительно отметим: СУС, с.228; Арайс — Медне, с.329; Кшижановский, 1, с.26—270; Марий. ск., Четкарев, №12; СНП, №48, 56; Авар. ск., №32; Глонти, с.94—97; Ск. нар. Филиппин, № 160. Истоки сюжета связаны с «рассказом о трех яблоках» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 19—20). Первые лит. обработки сказок типа 882А в повествовательной, а затем и в драматической форме — французские XIII—XIV вв. В середине XIV в. создан «Декамерон» Дж.Боккаччо, в который вошла новелла (9-ая второго дня) данного типа, а через два столетия появилось другое произведение мировой литературы, где отразился «Спор о верности жены» — драма «Цимбелин» В.Шекспира. Распространению и развитию сюжета в устной традиции способствовали и его переложения в народных книгах на разных языках. Данный башк. вар. отличается обстоятельностью изложения особенно в той части, где оклеветанная жена выступает в роли прокурора, ведет допрос клеветника, его пособницы и своего мужа.

В первом ряду (слева направо): А.Сулейманов, Т.Сагитова, Ф.Надршина, Ф.Харисова, Н.Зарипов; во втором ряду: З.Харисова, Ю.Узиков, Л.Бараг

Своеобразно разработана вступительная часть, в которой повествуется об отцах героя клеветника, о женитьбе героя на дочери пастуха. (Башкирское народное творчество. Т.5. Бытовые сказки / Сост. и глоссарий А.М.Сулейманов; Вст. ст., коммент., указатели Л.Г.Барага и А.М.Сулейманова; Ответств. ред. Л.Г.Бараг. — Уфа: БКН, 1990. — №67. — С.455.

Иногда в комментариях Л.Г.Бараг фиксировал и чисто исследовательские наблюдения. Например, в комментариях к сказке «Иблиамин» (АТ 654В* — Купеческий сын) привлекает внимание следующее его высказывание: «Исследователи установили связь сказок этого типа с древним ассирийским клинописным текстом «Путешествие Изуубары к предкам» и со сказкой древнего китайского сборника Сенд Чюэя... Фантастический элемент выражен только в эпизоде с гифритом, а в других эпизодах повествование имеет новеллистический характер. Такие «синкретические» сказки занимают значительное место в восточном репертуаре, и нередко имеют сюжетные параллели как в волшебных, так и в бытовых сказках» (БНТ: Сказки. Кн.2. — Уфа, 1976. — С.364).

В комментариях к сказке «Байская дочь и батрак» исследователь одобрительно высказывается о статье татарского фольклориста Ф.Н.Ахметовой «О татарских бытовых сказках», опубликованной во втором выпуске межвузовского сборника «Фольклор народов РСФСР» (Уфа, 1975), которая выделяла «бытовые сказки с волшебными предметами и фантастическими мотивами», связанные, по ее мнению, с процессом трансформации волшебной сказки в бытовую. Прочитав это высказывание, Лев Григорьевич от себя добавляет, что «процесс новеллизации сюжетов волшебных сказок наблюдается ныне и в славянском фольклоре» (БНТ: Сказки. Кн.2. — С.365). Почему я процитировал эти высказывания Л.Г.Барага? Дело в том, что было время, когда при определении генезиса различных жанров и жанровых разновидностей исследователи исходили из принципов концепции эволюционизма, по которой сначала появились сказки о животных, затем — волшебные сказки, а лишь потом, после возникновения почвы для социальных конфликтов, — бытовые сказки. Это лишний раз доказывает несогласие Льва Григорьевича с концепцией эволюционизма, что особенно четко нашло свое выражение в статье «Башкирские бытовые сказки и их разновидности», написанной в соавторстве со мной, в которой, в частности, было отмечено, что «в бытовых сказках, как и в волшебных, совершается невероятное, но не в чудесах, а в житейских обстоятельствах и обыкновенными людьми».

Своим человеческим превосходством — остроумием, находчивостью, нравственной стойкостью — герой бытовой сказки одерживает верх над противостоящими ему обычно тоже обыкновенными людьми. Если в эпизоды бытовой сказки входят персонажи из потустороннего чудесного мира, они оказываются лишенными демонической или чародейской силы и терпят поражение, столкнувшись с силой человеческого разума, играют комическую роль. Особенно комичны они в гротескных сказках об одураченном дэвэ или шайтане-черте (Бараг Л.Г., Сулейманов А.М. Повествовательные жанры башкирского фольклора. — Уфа: Гилем, 2001. — С.5).

Л.Г.Бараг много внимания уделял записи преданий, легенд и устных рассказов, считая, что подобные жанры народной несказочной прозы дают возможность восполнить наши представления об истории края. В частности, он писал: «Благодаря устным источникам поныне уточняются наши представления о горнозаводской Башкирии позапрошлого века» (Народные устные рассказы о горнозаводской Башкирии эпохи Пугачевского восстания // Бараг Л.Г., Сулейманов А.М. — С.103). При этом он одинаково высоко отзывался об устных рассказах, записанных не только от русских информаторов, но и от башкир. Например, когда он писал о фольклорных материалах, имеющих отношение к истории Вознесенского завода, то использовал местные легенды и предания, записанные от рабочего Иргизлинского лесхоза Г.С.Гадельшина (с.109), а когда вел речь о прокладке дороги в сторону Иргизлов для пугачевской артиллерии — информацию Е.В.Ильина.

Так Л.Г.Бараг постепенно подходил к освещению проблемы межнациональных фольклорных связей. Одна из работ, написанных Львом Григорьевичем в этом русле, называется «Об отношении башкирского сюжетного репертуара сказок о животных к русскому». В ней отмечается общность целого ряда сюжетов как для башкир, так и для русских. К подобным башкирским сказкам о животных он относит типы АТ15, 20С, 37, 61В, 130А, 70, 248А*. При этом хорошее знание башкирских сказок о животных дает ему возможность внести коррективы в указатели сюжетов. Так, например, если сюжетный тип 20С отмечен Томпсоном лишь в русских сборниках, то Л.Г.Бараг обнаружил его не только у башкир, но и у казахов, тип 130А — в мордовском материале (с.164, 165).

В своей статье «О межнациональном в сказках восточнославянских народов» Л.Г.Бараг выступил инициатором создания Указателя восточнославянских сказочных сюжетов. Такой указатель, как известно, был подготовлен им в соавторстве с И.П.Березовским, К.П.Кабашниковым, Н.В.Новиковым и был опубликован в 1979 году в Ленинградском отделении издательства «Наука». В этой статье Л.Г.Бараг утверждает, что «самые распространенные сюжеты сказок одного из восточнославянских народов являются, как правило, популярными сюжетами репертуара других народов» (с.176). В то же время он отмечает, что белорусский репертуар, в основном, ближе к украинскому, чем к русскому (с.176), а не отмеченные в другом национальном материале сюжетные типы у славянских народов встречаются крайне мало. Если и обнаруживаются подобные сюжеты, то они оказываются легендарными (с.177).

По наблюдениям ученого, взаимосвязи сказок славянских народов неоспоримы, они особенно ощутимы в сходстве сказочных образов. Л.Г.Бараг рассматривал межнациональные фольклорные отношения и шире. Такова его работа «Межнациональные отношения прозаических жанров фольклора народов СССР». По мнению автора, корни взаимодействия фольклора разных народов уходят в глубины веков. Проблему взаимовлияния фольклора народов СССР ученый рассматривает в методологическом плане: «Типологические сходжения не поддаются в конкретном изучении фольклорного материала (особенно сказочном, который очень подвержен международным влияниям) строгому

отграничению от контактных, генетических связей. Игнорирование последних ведет к недооценке национальной и региональной специфики фольклора. Необходимость всестороннего сравнительного исторического исследования наиболее остро ощущается в области сказковедения. Даже в тех случаях, когда может быть установлена несомненная приблизительная типологическая близость сказочных сюжетов, типологический аспект сравнительного анализа недостаточен. Историко-типологическое, историко-генетическое и историко-культурное направления сравнительного исследования должны, дополняя друг друга, цельно сочетаться. Эта задача ставится теперь относительно всех видов фольклора» (Бараг Л.Г., Сулейманов А.М. — С.189).

Говоря же о межнациональных связях башкирских новеллистических сказок, нам с Львом Григорьевичем пришлось отметить, что история многих из них, имеющих «параллели в фольклоре соседних народов, очень сложны и восходят к древним литературным памятникам» (с.151). В то же время мы выявили, что значительный пласт башкирских новеллистических сказок относится непосредственно к восточнославянской сказочной традиции» (с.152).

Наблюдения Л.Г.Барага над местным сказочным материалом привели его к выводу о том, что под воздействием действительности сказки о животных перешли в детский репертуар, бытовые вытесняют фантастические, действие сказки переносится в современную деревню, что «большинство сказок о башкирской жизни, распространенных в русской народной среде, восходят к башкирским устным источникам» (Народные сказки, легенды, предания и былички. — Уфа, 1969. — С.13).

Особенно яркое проявление межнационального содержания обнаруживал Л.Г.Бараг в местных преданиях «тех районов, которые отличаются многонациональностью. Говоря же о чисто башкирских преданиях, Лев Григорьевич писал, что в них «так много исторического, а природа Урала и его прошлое сочетаются в них настолько цельно, что народные рассказчики пользуются для обозначения всех видов прозаических местных преданий словами «тарих» (история) или «хикэйэ» (рассказ-быль)». Подобные высказывания Л.Г.Барага созвучны с мнениями его предшественников. Так, например, писатель-краевед XIX в. В.С.Юматов писал, что у башкирцев почти о каждом несколько замечательном месте есть свое особое предание, а революционер-демократ М.Л.Михайлов вторил ему, говоря, что в Башкирии «нет такой речки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды и песни». Как бы продолжая его мысль, писатель-демократ Ф.Д.Нефедов отметил, что «башкирские предания и легенды о реках, горах и озерах свидетельствуют о богатой фантазии. Чем-то диким, но свежим и неотразимо обаятельным веет от народной поэзии башкир».

Л.Г.Бараг, будучи ученым, непосредственно имевшим дело с башкирским фольклором, пошел дальше и отметил связь башкирских преданий с эпической и лирической поэзией — кубаирами, иртэками, песнями и байтами (НСЛ ПБ. — С.18).

Все сказанное говорит о любовном отношении Л.Г.Барага к фольклору народов Башкортостана, в частности, устно-поэтическому творчеству башкир и русских.

Несколько слов в качестве лирического отступления. Мне посчастливилось быть студентом Льва Григорьевича. На третьем курсе он у нас, студентов башкирско-русского отделения филологического факультета БГУ, читал лекции по русской советской литературе. Увидев его в проеме двери и услышав его традиционное приветствие «Добрый день, дорогие мои!», мы дружно вставали и под его громовой голос приветствовали.

Лекции Льва Барага отличались не только глубиной содержания, но эмоциональностью. Он лично знал ряд авторов и с некоторыми общался. Его воспоминания о них вызывали у студентов дополнительный интерес к предмету.

Близкое мое общение с Барагом, не побоюсь сказать, творческое сотрудничество с ним начались как раз в период учебы на третьем курсе. Дело в том, что согласно учебному плану нам предстояло написать курсовую работу по русской литературе. Доцент кафедры башкирской литературы Марат Мингажетдинов с первого курса не упускал меня из виду. Видимо, во время фольклорной практики, которой он руководил, я показал старательность. Во всяком случае, он видел во мне будущего фольклориста. Он был инициатором научной фольклорной экспедиции студентов. Кроме меня, в эту группу вошли мои сокурсники Вафа Ахмадиев, Нафик Хамитов и Биктимер Шарипов. Все мы только что окончили второй курс. По настоянию Марата Халафовича я был назначен руководителем этого научного мероприятия.

Экспедиция проходила в течение месяца летом 1963 г. в нынешнем Абзелиловском районе (в годы укрупнения районов, согласно очередной реорганизации Н.С.Хрущева, он входил в состав Баймакского района). Так вот, когда на третьем курсе объявили о курсовых по русской литературе, Марат-агай подвел меня к заведующему кафедрой русской литературы Льву Григорьевичу. Они при мне договорились, чтобы тема моей курсовой была на стыке литературы и фольклора. И вдвоем решили, чтобы я написал курсовую работу по произведениям П.М.Кудряшева, созданным по мотивам башкирского фольклора. Получив нужную консультацию от обоих наставников, я впервые окунулся в мир творчества этого поэта, близкого к декабристам. В период работы над курсовой я убедился в том, что мой научный руководитель всегда доступен, в любое время можно обращаться к нему с вопросом, и он никогда не откажется дать хорошие советы. Лев Григорьевич остался доволен моим творением: курсовую я завершил в срок и получил оценку «хорошо».

Когда я работал над дипломной, и когда на ее основе писал кандидатскую диссертацию, Л.Г.Бараг оставался моим неофициальным консультантом, хотя мы уже встречались очень редко, так как я над диссертацией работал без отрыва от производства, будучи учителем восьмилетки в родной деревне в далеком Бурзянском районе.

Более тесное наше творческое сотрудничество возобновилось уже в новом качестве, когда я, молодой кандидат наук, стал полноправным сотрудником кафедры башкирской литературы и фольклора БГУ, руководи-

мой профессором Киреем Мэргэном, научным руководителем моей кандидатской диссертации. Дело в том, что по решению Ученого совета ИИЯЛ Лев Григорьевич изначально был включен в состав авторского коллектива, работающего с самого начала 70-х гг. над составлением многотомного свода «Башкирское народное творчество» на языке оригинала. С середины 70-х я тоже стал членом этого творческого коллектива. Составители томов по сказкам готовили краткий пересказ содержания каждого сюжета, по системе Аарне-Андреева определяли его тип, выявляли варианты и версии. На долю Льва Григорьевича выпала работа по типологическому анализу. Тогда я еще раз убедился в энциклопедичности его знаний. Он сопоставлял башкирские сказки со многими однотипными сказками других народов как Запада, так и Востока, выявлял их литературные варианты. Радовался как ребенок, когда тип сюжета какой-нибудь башкирской сказки не мог найти свое место в международных указателях типов сюжетов и мотивов сказок. Когда я составлял тома бытовых сказок, такие сюжеты нами были обнаружены в изрядном количестве. Их мы обозначали новыми номерами.

Совместная работа над научными комментариями томов бытовых сказок для меня стала целой школой для понимания природы сказок.

Как-то я и Лев Григорьевич сидели за чаем в буфете университета. И вдруг он обратился ко мне с вопросом:

— Ахмет Мухаметвалеевич, Вы начали работать над докторской диссертацией?

— Нет, Лев Григорьевич. Главное для меня — издание томов, — сказал я.

— Вот-вот! Это и есть начало работы над диссертацией. Составляя тома, вы как никогда досконально изучаете каждый текст сказок и их версий и вариантов. Свои первичные наблюдения используйте в предисловиях, потом их остается углубить, где надо — расширить, и получится диссертация.

Так я получил у своего наставника первую консультацию и благословение в мир большой науки. И за эту, и за последующие консультации я безмерно благодарен ему, дорогому мне Человеку. Я благодарен ему еще за то, что он меня заочно познакомил с всемирно известным московским ученым Халыком Гусеиновичем Кор-оглы, профессором МГУ и Института мировой литературы, который впоследствии стал моим первым оппонентом при защите докторской диссертации на заседании диссертационного совета МГУ осенью 1991 г. А сам Лев Бараг стал соавтором предисловий двух томов башкирских бытовых сказок, изданных на русском языке, автором (а я — соавтором) их научных комментариев и двух томов на языке оригинала, ответственным редактором первых двух и моей монографии «Башкирские народные бытовые сказки; Сюжетный репертуар и поэтика», изданной в 1994 г. в Москве в издательстве «Наука». В знак безмерной благодарности ему я подготовил книгу «Повествовательные жанры башкирского фольклора», составленную из статей, написанных с ним в соавторстве и в отдельности, которая была издана в 2000 г. в издательстве «Гилем».